

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ

Юрий ЛЕВАДА

Политическое пространство России полгода до выборов: 1995 и 1999 гг.

Сравнительный анализ российского политического пространства летом 1995 и 1999 гг. представляется интересным как в прагматическом (предвыборные ожидания), так и в аналитическом плане. Прослеживания расстановки и самой структуры действующих сил, а также факторов влияния на них позволяет продвинуться в понимании общества, политической сцены и человека в России на исходе первого постсоветского десятилетия.

Характерные особенности ситуации этого периода - исчерпание ресурсов политической поддержки едва ли не всех сил, игравших основные роли в 1995 г., а также исчерпание самой модели политического устройства общества ("президентской", "ельцинской"), которая была определяющей на протяжении почти десяти лет. Кризисный, как обычно, переход к неопределенной модели следующего периода (и к ее персональным воплощениям) осложняется непреодоленным наследием целого пучка общенациональных кризисов — от финансово-экономического образца августа 1998 г. до международного, связанного, в частности, с "югославским" узлом событий весны 1999 г.

Социальная температура 1995 и 1999 гг. Показатели социально-экономического положения и самочувствия населения выглядят следующим образом (табл. 1 и 2). Наиболее общие ("настроенческие") данные не обнаруживают изменений.

Таблица 1

Настроение в последние дни (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	1995 г.	1999 г.
Прекрасное	3	4
Нормальное, ровное	38	36
Напряжение, раздражение	41	39
Страх, тоска	10	11
Затруднились ответить	9	10
Индекс	90	90

(Источник здесь и далее в этом разделе — майские мониторинги 1995 и 1999 гг.) Индекс - разность между суммой положительных и суммой отрицательных ответов +100.

Таблица 2

"В какой мере Вас устраивает жизнь, которую Вы ведете?"

Варианты ответов	1995 г.	1999 г.
Вполне устраивает	3	3
По большей части устраивает	9	8
Отчасти да, отчасти нет	32	32
По большей части не устраивает	30	26
Совершенно не устраивает	23	28
Затруднились ответить	3	4
Индекс	58	57

В то же время оценки собственного экономического положения и, еще сильнее, положения в регионе и в стране заметно ухудшились. Положение своей семьи считали "хорошим" или "средним" в 1995 г. 51%, в 1999 г. - 41, "плохим" и "очень плохим", соответственно, 46 и 56% (индексы - 104 и 85).

Как обычно, оценки положения в регионе и в стране изменились к худшему еще более заметно. "Плохим" и "очень плохим" положение в своем городе, районе в 1995 г. считали 50%, в 1999 г. - 68% (индексы - 87 и 56). Экономическое положение России оценивали как "плохое" и "очень плохое" 68% в 1995 г. и 83% в 1999 г. (индекс понизился с 49 до 27). Напомним, что последние показатели относятся к маю 1999 г., когда шоковое влияние кризисного потрясения августа 1998 г. в значительной мере ослабло.

Снизился и "потенциал терпения" (табл. 3).

Таблица 3

"...Можно терпеть?"

Варианты ответов	1995 г.	1999 г.
Все не так плохо...	11	7
...Можно терпеть	48	40
Терпеть... невозможно	35	45
Затруднились ответить	7	8
Индекс	124	102

При этом — что кажется странным на первый взгляд - уровень поддержки экономических (рыночных) реформ за четыре года как будто не изменился: 27% против 30% в мае 1995 г. и 27% против 28% в мае 1999 г. (точнее, за эти годы уровень одобрения реформ изменялся в незначительных пределах и в итоге вернулся практически к тем же значениям). Стабильность этого индикатора, как можно полагать, показывает, что при всем разбросе оценок ситуации пожелания в отношении практических действий варьируют в довольно узких пределах ("коридор возможностей" узок).

Массовые выступления с экономическими требованиями считали возможными в своем городе, районе 27% опрошенных в 1995 г. и 31% в 1999 г., участвовать в них были намерены, соответственно, 24 и 27%, - сравнительно небольшой рост протестных настроений. Индексы ожиданий в отношении положения в экономике оказались одинаково пессимистичными: 57 в 1995 г. и 56 в 1999 г.

Заметно усилились при этом настроения "демонстративной" ностальгии: в 1995 г. 45% (против тогдашних 30%) соглашалось с тем, что "было бы лучше, если бы все оставалось как до 1985 г."; в 1999 г. (март) - 58% (против теперешних 27%).

Индикаторы политической ситуации изменились более заметно (табл. 4).

Таблица 4

Политическая обстановка в России

Варианты ответов	1995 г.	1999 г.
Благополучная	0	0
Спокойная	4	2
Напряженная	60	52
Критическая, взрывоопасная	27	39
Затруднились ответить	8	8
Индекс	17	11

Значительно чаще упоминается "критическая" оценка ситуации. Ухудшились по сравнению с 1995 г. и политические ожидания: индекс составил 59 (против 67 перед прошлыми выборами).

Политические симпатии. Наиболее существенными, однако, представляются изменения в политических пристрастиях населения - как партийных, так и персонализированных (табл. 5).

Таблица 5

"Наибольшее доверие" вызвали:

Варианты ответов	1995 г.	1999 г.
Гайдар	8	2
Ельцин	4	1
Жириновский	8	6
Зюганов	6	14
Илюхин	-	5
Кириенко	-	5
Лужков	2	16
Немцов	-	3
Примаков	-	27
Рыжков В.	-	4
Селезнев	-	4
Тулеев	-	3
Черномырдин	5	5
Явлинский	15	16

По 10-балльной шкале оценка деятельности Б. Ельцина как президента страны в 1995 г. составила 3,04, в 1999 г. - 1,92.

Таблица 6

"Какая партия выражает интересы таких людей, как Вы?"

Варианты ответов	1995 г.	1999 г.
АПР	2	1
ДВР	5	0,3
НДР ¹	-	3
"Яблоко"	8	10
"Женщины России"	5	4
КПРФ	7	20
ЛДПР	8	6

¹ НДР еще не оформилась к началу опроса в мае 1995 г.

Основные различия в симпатиях очевидны: значительный (в 3 раза) рост симпатий к коммунистам и спад интереса к ДВР. Другие сдвиги не столь велики: некоторое снижение популярности ЛДПР, а также "Женщин России", определенный рост симпатий к "Яблоку".

Прежде чем рассмотреть перемены в собственном электоральных предпочтениях, обратимся к основным обстоятельствам, изменившим политическое пространство страны за четыре года.

Кризис как норма и механизм социально-политической динамики. Каждый год межвыборного периода 1995-1999 г. (правильнее, конечно, начать отсчет с 1991 г.) отмечен "своей", как будто специфической кризисной ситуацией, связанной с напряженностью, конфликтами и сменой действующих лиц в высших структурах власти; каждый из этих кризисов находил свое выражение в "кривизне" социально-политического пространства, в отношениях между властью и обществом, в состоянии общественного мнения, в международных позициях страны и соответствующих оценках и т. д. В то же время в регулярно, практически ежегодно пульсирующих кризисных ситуациях можно обнаружить определенные закономерности, повторяемость структурных компонентов ("динамической структуры" происходящих изменений). Имеются основания полагать, что регулярные кризисы являются не только неизбежным спутником установившегося после 1991 г. властного механизма, но и единственно возможным - хотя и крайне малоэффек-

тивным - способом его изменения, адаптации к меняющейся реальности.

В контексте данной статьи нас, естественно, интересуют только социологические аспекты кризисных ситуаций, т.е. те, которые выражаются в состоянии общества и, в частности, общественного мнения. Если в рамках чисто политического или политологического анализа принимаются во внимание прежде всего намерения, интересы, расчеты, способы достижения целей различными персонажами политической сцены, то социологическое исследование имеет дело преимущественно с социальными последствиями их действий. Проще говоря, политология интересуется тем, "чего хотели" те или иные деятели, социология - тем, "что из этого получилось".

Характерные черты кризисных ситуаций, какими бы обстоятельствами они ни были обусловлены (конфликты властей, регионов, отставки, финансовые потрясения, да и "просто" очередные выборы) и кем бы ни были инициированы, - показное благополучие, девал, поиск виноватых, перемены в списке главных действующих лиц, попытки оправдать "генеральную линию", если пользоваться таким устаревшим термином. Общественное мнение не только реагирует на типичную кризисную ситуацию, но и активно участвует в ее формировании, а потом и в преодолении ростом тревожности, поиском стабилизирующих факторов и адаптивных моделей поведения, доверием к новым кумирам, переоценкой вчерашних фаворитов и обвинениями в адрес предполагаемых виновников.

1996 г. — чеченская война и попытка ее остановить, мобилизационная обстановка президентских выборов и послевыборное похмелье, взлет и обрыв всероссийской политической карьеры генерала Лебедева. (Соответствующие кривые роста и падения доверия общественного мнения к этому деятелю неоднократно рассматривались в "Мониторинге".)

1997 г. — "обновленное" правительство, деятельность "младореформаторов", дискредитация и ограничение их влияния. В общественном мнении - подъем и падение доверия к Б.Немцову.

1998 г. - "молодой" кабинет С.Кириенко, нарастание финансового кризиса, правительственные решения 17 августа, отставка Кириенко, неудачная попытка возвращения к власти В.Черномырдина, самый тяжелый правительственный кризис, утверждение премьером Е.Примакова и частичная стабилизация ситуации. Ослабление отношений со странами Запада в связи с дефолтом и международно-политическими кризисами вокруг Ирака и Югославии. В общественном мнении - растущее доверие к Е.Примакову.

1999 г. - отставка Примакова, утверждение премьером С.Степашина, неудача импичмента президента в Думе, крайнее обострение кризиса вокруг Югославии и попытки его использования в противостоянии российских политических сил и групп давления; формирование новых структур на электоральном поле. Общественное мнение доверяет Примакову, но довольно легко расстается с ним, негодует в связи с акциями НАТО в Югославии, но охотно принимает мирные соглашения, неоднозначно оценивает участие российских войск в урегулировании положения, присматривается к новым политическим формированиям.

Общий знаменатель всей череды кризисных потрясений и перемен — усиливающаяся негативная оценка общественным мнением деятельности Б.Ельцина на посту президента. Как представляется, наиболее существенным фактором массового представления о действующим

шем президенте как основном виновнике всех переживаемых страной бедствий и трудностей являются отмеченные выше особенности структуры регулярно повторяющихся кризисных ситуаций: президент каждый раз видится их инициатором и главным виновником. Реальные действия или стиль действий президента и его окружения - сочетание решительных деклараций с нерешительными и неадекватными поступками, а также факторы медицинского и психологического порядка и пр. - играют здесь, скорее всего, вторичную роль. Превращение президента в "крайнего" ответчика за все и вся лишает властный механизм возможностей маневра и закрепляет за социально-политическими кризисами функции единственно возможного инструмента перемен. Эта традиция создает фон скрытой напряженности на весь период избирательных кампаний 1999-2000 гг.

Отметим еще одну общую черту кризисной динамики: общественное мнение внутренне ориентировано на стабилизацию положения, поэтому оно в надежде на сохранение минимального порядка все легче расстается с фаворитами и с готовностью принимает очередного нового деятеля, явно снижая сам уровень предъявляемых ему требований. Примечательно также, что подобная ориентация сказывается и на практическом поведении значительной части политической оппозиции: резко критическая риторика ("антинародный режим" и т.п.) сочетается с достаточно покладистым голосованием во всех принципиально важных случаях - утверждение премьера, принятие бюджета, пакета "финансовых" законов и пр. Наконец, в общественном мнении явно укрепляется представление о том, что сменяющие друг друга правительственные лидеры скорее продолжают политику своих предшественников, чем пересматривают ее.

На некоторых уроках последних кризисов, которые позволяют об этом судить, стоит остановиться специально.

Феномен и модель Примакова. Недолгий период пребывания во главе правительства Е.Примакова (общественное мнение "сулило" ему вдвое больший срок - в среднем 16 месяцев) не только создал новый имидж второго лица страны, но задал некую модель государственного поведения, которая, скорее всего, сохранит свое значение вне зависимости от смены исполнителей, а также от возможного политического будущего самого Е.М.Примакова.

Е.Примаков пришел к руководству после самого тяжелого правительственного кризиса августа-сентября 1998 г., в условиях финансового-экономического обвала и распространения панических настроений. Общественное мнение приписало ему спасительную стабилизирующую роль, и этот образ Примаков сохранил на всем протяжении своего пребывания у власти, безотносительно к реальным успехам или неудачам своего - почти бездеятельного - кабинета. Неоднократные предупреждения "справа" об опасности или даже о свершившемся факте коммунистического переворота не возымели действия на общество (впрочем, они и адресованы были скорее не обществу, а президенту). В феврале 1999 г. только 13% опрошенных (по исследованию типа "Экспресс", 1600 человек) соглашались с тем, что правительство Примакова означает коммунистический переворот, причем лишь 8% такой переворот приветствовали; 67% переворота просто не усматривали.

Вскоре после утверждения Примакова премьер-министром 43% опрошенных полагали, что его правительство сможет обеспечить "дальнейшее продолжение реформ", 23% - что оно окажется способно "решительно

изменить курс реформ с тем, чтобы он обеспечил сохранение и рост народного благосостояния", и только 11% - что оно сможет "вернуться на тот путь, по которому шла наша страна при советской власти" ("Экспресс", сентябрь 1998 г.).

Согласно опросу типа "Экспресс" за март 1999 г., основную вину за трудности, переживаемые страной, несут (в %):

В.Ельцин и его окружение	43
М.Горбачев и его окружение	22
Руководство СССР, КПСС	8
Коррупцированные чиновники	7
Правительство Е.Гайдара	3

На правительства В.Черномырдина, С.Кириенко, Е.Примакова, а также на коммунистическое большинство в Госдуме возлагают ответственность по 1% опрошенных.

Таблица 7

**Оценки деятельности правительств
после августа 1998 г.
В % к числу опрошенных)**

Варианты ответов	Ноябрь 1998 г. (Примаков)	Март 1999 г. (Примаков)	Июнь 1999 г. (Степашин)
Продолжает курс предыдущих правительств	10	13	23
Отказывается от реформ и ведет дело к восстановлению советских методов хозяйствования	9	6	7
Нашло свой собственный путь к решению проблем страны	21	27	15
Не нашло пути к решению проблем страны, ничего не делает для их решения	30	27	25
Затруднились ответить	30	26	30

Стоит обратить внимание на динамику показателей первой строки: в общественном мнении все более распространенным становится представление о преемственности политики сменяющих друг друга правительств, и чаще всего это отмечают уже после ухода Примакова.

За месяцы пребывания у власти Примаков завоевал симпатии значительной части населения, причем среди сторонников самых различных политических сил. Уже после его отставки, в конце мая 1999 г. 69% от общего числа опрошенных выразило свое одобрение деятельности Примакова на посту премьера. Этой оценке оказались покорны буквально все возрасты, статусы и даже все политические пристрастия. Так, из самых молодых (до 25 лет) одобрение выразили 57%, из самых пожилых - 80, в больших городах - 65, в селах - 73, из высокообразованных - 67, из низкообразованных - 71%. Из симпатизирующих коммунистам - 77%, демократам - 66, центристам - 84%. Как видим, уровень одобрения деятельности бывшего премьера весьма высок во всех возрастных и социальных группах (показательны, между прочим, симпатии демократического электората при негативных установках его партийных лидеров), но более заметен все же среди пожилых, сельских жителей, сторонников компартии.

Объяснить всенародную - в самом буквальном, не пропагандистском смысле - поддержку Примакова можно двумя обстоятельствами. Во-первых, "эффектом

зеркала : осторожность и отсутствие собственной линии позволяло всем желающим усматривать в Примакове именно те склонности, которые им хотелось видеть в лидере правительства. Одни видели в Примакове сторонника продолжения реформ, другие - сторонника возврата к советскому строю, третьи — просвещенного "западника", четвертые - противника западного влияния, пятые - самостоятельного политика, способного противостоять самовластному президенту и сменить его, и т.д. Во-вторых, в образе сдержанного, рассудительного политика, который может покончить с изматывающей общество конфронтацией, сплотить умеренно правых с умеренно левыми и реализовать идеал стабилизирующего политического центра. Ранее приходилось отмечать, что в прошлые годы "центристские" декларации и ожидания существовали при отсутствии реального политического центра (тороидальная модель, "бублик").

При этом одобрение деятельности премьера "в целом" никогда не означало поддержки населением всех его конкретных действий. Так, в марте 1999 г. только 15% опрошенных сочли "громкие расследования", начатые тогда прокуратурой по инициативе правительства, реальной борьбой с коррупцией. 37% усмотрели в этих акциях лишь "показную шумиху", а еще 30% - борьбу за "власть и материальные ресурсы" (опрос типа "Экспресс").

Определенную роль, конечно, сыграли и такие личные качества Е.Примакова, как сдержанность, культурность, политический опыт. Респонденты (опросы типа "Экспресс", осень 1998 г.) следующим образом характеризовали Примакова в сравнении с другими политическими лидерами (табл. 8).

Таблица 8

Сравнительные характеристики политических деятелей

	Зрелость	Активность	Культура	Облик
Ельцин	7,3	6,2	3,0	3,3
Примаков	17,2	10,4	15,5	5,3
Зюганов	16,7	16,4	13,5	9,3
Лебедь	14,1	23,0	7,0	9,2
Лужков	21,7	14,6	12,0	11,8
Явлинский	15,2	11,6	23,0	7,8

В табл. 8 использованы сводные показатели, каждый из которых представляет среднюю величину частоты упоминаний нескольких признаков. Такой обобщенный показатель, как "зрелость", включает оценки политической линии, профессионализма, государственного подхода к решению проблем, опыта политической и хозяйственной деятельности, стремления к порядку и законности; "активность" - оценки сдержанности, энергичности, мужественности, гибкости; "культура" - оценки образованности и умения излагать свои мысли; "облик" - оценки нравственных качеств; честности, доступности, уважительного отношения к людям, бескорыстности, готовности защищать интересы простых людей.

Особый интерес представляет реакция общественного мнения на падение Примакова; переход от резкого неприятия самой возможности отставки, даже выраженной среди части населения готовности к протестам - к довольно сдержанному несогласию с отставкой, а вслед за тем и к одобрению нового премьера. В феврале 1999 г. почти три четверти респондентов (73%) отрицательно относились к возможной отставке Примакова, причем 18% (против 74%) даже выражали готовность участвовать в обещанных Г.Зюгановым массовых акциях про-

теста против такой отставки. Ничего подобного, как известно, не произошло: хотя увольнение Примакова большинство (65%) восприняло "с сожалением" или "с возмущением", никаких массовых акций протеста (и даже призывов к таким акциям) не последовало. Как и в подобных случаях ранее, показатели интереса и доверия к попавшему в опалу фавориту поначалу возросли, затем стали снижаться. Sic transit gloria mundi, - по крайней мере, в нашем общественном мнении.

Это еще раз подтверждает существование разрыва между декларируемым и реальным массовым поведением. Конечно, лабильность общественного мнения не беспредельна, но пределы эти могут оказаться весьма широкими. В любом случае лояльность по отношению к отдельным деятелям для него вторична по сравнению с приверженностью к ценностям стабильности и порядка.

Какова бы ни была в дальнейшем политическая судьба Е.Примакова, его пребывание во главе правительства не только создало в общественном мнении прецедент реального центризма (безгеройного-бесцветного-беспартийного и т.д.), но и задало соответствующую *модель* поведения, с которой придется считаться и которой будут вынуждены подражать последующие руководители наступающего "постгероического" периода. Если до недавнего времени содержанием "массовой" (обращенной к массам, прежде всего электоральной) политики была радикализация сторонников "правых" и "левых" направлений, то в дальнейшем, начиная с парламентских выборов 1999 г., таким содержанием становится *борьба за центр*.

Импичмент президента как фактор конца радикальной эпохи. Заведомо (конституционно) предопределенная неудача процедуры импичмента в мае 1999 г., фактически на исходе влияния и президентских полномочий Б.Ельцина, ввела некоторые новые элементы в социально-политическую ситуацию. Первая попытка парламентского отрешения президента (март 1993 г.), о которой редко вспоминают, происходила в условиях массовой поддержки Б.Ельцина против Верховного Совета, отсюда результаты апрельского референдума 1993 г. (которые могли бы стать основой выгодного для тогдашней президентской стороны политического компромисса, но эту возможность не использовали, что привело к безумной конфронтации сентября-октября, а потом к мучительному - и для страны - сосуществованию власти с оппозиционным парламентом двух созывов).

Процедура импичмента, проходившая в парламентских инстанциях около года в 1998-1999 гг., с начала и до конца получала поддержку большинства населения. В апреле 1999 г. все пункты обвинения поддерживали от двух третей до трех четвертей респондентов. Результаты голосования в Думе с "сожалением" и "возмущением" воспринял 41%, и по-прежнему отставку Б.Ельцина с поста президента считали лучшим выходом из ситуации 62% (данные опроса типа "Экспресс" за июнь). Парламентская оппозиция оказалась растерянной, "массовая" сохранила свои позиции. Парламентский импичмент стал невозможным до конца положенных (и Думе и президенту) сроков, но "народный" импичмент остался постоянной величиной на весь период передачи полномочий и завершения "героического", "ельцинского" периода постсоветского развития общества. В этой ситуации никакие варианты радикализации политической обстановки не могут получить массовой поддержки или одобрения со стороны партий, рассчитывающих на такую поддержку. Единственной - и, скорее всего, не очень надежной - опорой президентской власти, если

последняя попытается продлить свои полномочия, выйти за рамки конституционного поля, могут быть лишь какие-то силовые структуры. Здесь тоже возникает некоторая аналогия с положением конца 1993 г. - опора на силовиков привела к дискредитации демократической поддержки президента (тогда еще существовавшей) и в недалекой перспективе - к позорной попытке силового выхода из чеченской ситуации.

Военно-патриотический фактор: от Чечни до Косово и обратно. Как известно (и было показано многочисленными исследованиями), вокруг чеченской войны не удалось создать никакой атмосферы воинственного энтузиазма. Развитие ситуации вокруг Косово к концу марта 1999 г., с началом военной акции НАТО, на некоторое время создало определенное подобие такой атмосферы в России. (Естественно, нас интересует в данном случае только "внутрироссийская" сторона конфликта: связанные с ним настроения в России и попытки их использовать различными силами в своих интересах.) Массовое возмущение силовой акцией стран Запада, охватившее все группы российского общества и все политические электораты, от национал-патриотических до правореформаторских, сразу постарались превратить в фактор собственной поддержки как оппозиция, так и власть. Причем попытки оппозиции (как и усилия "правых" обозначить свое присутствие) особого успеха не имели. Власть же впервые после 1985 г. оказалась в позиции демонстративно-воинственной конфронтации с политикой Запада. И тем самым — впервые после завершения чеченской кампании 1994-1996 гг. - верховная власть оказывается заложником военных авантур и их организаторов.

Правда, в практически-политическом плане эта конфронтация сразу же была скована: не только зависимость российской экономики от западных кредитов, но и все состояние хозяйства, ВПК, нежелание общества отказываться от достигнутой открытости и мировых связей, наконец, невозможность для постсоветской власти втянуться в реальное противостояние с Западом, делали нереальным возврат к холодной войне образца 40-50-х годов. В результате воинственно-патриотическая конфронтация разбилась о практическую ситуацию: властям пришлось уже к маю резко изменить тон в оценке событий, признав ответственность и югославского руководства за развязывание конфликта, а затем содействовать его капитуляции, ограничив свои стремления довольно сомнительными "престижными" выгодами соучастия в международном протекторате над Косово.

Как показывают опросы, общественное мнение, по-прежнему возлагая на США и НАТО вину за югославский конфликт, с самого начала было против его разрастания до масштабов новой "холодной" войны России с Западом, а также против какого бы то ни было участия российских войск в силовых или миротворческих операциях на чужих территориях. Поэтому значительное большинство населения принимает мирные договоренности и условия прекращения бомбардировок, но в то же время сомневается в полезности "престижного" присутствия российского военного контингента в Косово. В феврале 1999 г., еще до начала силовых действий НАТО, 39% опрошенных (исследование типа "Экспресс") высказывались за то, чтобы Россия добивалась решения конфликта "согласованно с западными странами", 31% - чтобы Россия пыталась проводить "свою собственную линию" в этом конфликте. В июне, после мирных соглашений и прекращения бомбовых ударов НАТО, 62% полагают, что России следует "вместе со странами Запада

добиваться мирного решения конфликта", и только 18% - что Россия должна противостоять попыткам НАТО и США навязать югославам унизительные условия урегулирования.

Весьма скептически отнеслось большинство опрошенных и к символической акции "броска" российских десантников к Приштине. Кто бы ни был инициатором этой акции, что бы ни происходило позже с ее участниками в Косово, ее "внутренний" результат - усиление влияния силовых структур и армейской верхушки на президента и на бюджет. Знаки особой благосклонности к военному командованию и демонстрация сил (большие маневры, условно ориентированные против западных противников, новые угрозы "превентивных" ударов по Чечне) уже после снижения остроты ситуации вокруг Косово говорят о дальних расчетах внутреннего назначения, в которых взаимозависимость президентской власти и силовых ведомств играла бы особо важную роль.

Электорат в 1995 и 1999 гг. За полгода до парламентских выборов, как и четыре года назад, еще не вполне определились основные участники, более половины опрошенных не высказывает определенных симпатий. Целесообразно поэтому обратиться не к списку партий, а к параметрам поддержки основных *политических направлений* (табл. 9).

Таблица 9

Электораты основных направлений в мае 1995 и в мае 1999 гг.

	1995 г.	1999 г.
Коммунисты	10	18
Демократы	15	10
Патриоты	6	1
Центристы	10	14
Жириновцы	9	3
Другие, затрудняюсь ответить	50	55

Таблица 9 отражает не только политические симпатии, но и меру "избирательской" готовности (мобилизованности) различных компонентов российского электората. Можно полагать, что такая готовность относительно высока у сторонников коммунистов (как видно из табл. 10, намерены голосовать за это направление почти все, кто им симпатизирует, - потенциал электоральной поддержки предельно мобилизован) и относительно низка у сторонников демократических сил. Объясняется это прежде всего отсутствием определенной организованности в демократическом стане (кроме "Яблока").

Таблица 10

Какой партии, политической силе Вы симпатизируете?

	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Коммунистам	22	25	27	24	21
Демократам	11	12	14	15	17
Патриотам	3	4	4	4	5
"Партии власти"	3	2	1	2	1
Другим центристам	2	3	3	3	3
Никакой	46	41	36	38	38
Затруднились ответить	13	12	12	11	12

Источник: исследования типа "Экспресс".

Замечен некоторый рост симпатий к коммунистам с февраля по апрель 1999 г. (очевидно, связанный с ожи-

данием импичмента, а также воинственно-патриотической атмосферой, о которой говорилось ранее). Параллельно происходил более значительный (в процентном

отношении — более, чем в полтора раза) рост симпатий к демократам.

Вернемся к долгосрочным сравнениям предвыборных ситуаций (табл. 11).

Таблица 11

Намерения голосовать за политические направления по группам электората 1995 и 1999 гг.
(в % от числа опрошенных по строке)

	Коммунисты		Демократы		Патриоты		Центристы		Жириновский		Затруднились ответить	
	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.
Всего	10	18	15	10	6	1	10	14	9	3	50	55
Возраст												
До 24 лет	1	8	13	8	4	2	8	13	5	4	69	65
25- лет	6	8	15	12	7	1	11	16	10	3	52	61
40-54 года	9	18	17	11	10	1	11	16	10	2	43	52
55 лет и старше	21	34	15	8	3	1	10	10	8	2	42	45
Образование												
Высшее образование	7	15	26	17	7	4	12	15	5	2	43	48
Среднее	7	13	16	11	6	1	11	16	6	3	53	56
Ниже среднего	14	6	10	6	6	0	9	10	13	3	49	56
Макрорегионы												
Москва и С.-Петербург	7	7	21	17	6	3	12	24	4	1	50	47
Большие города	8	15	22	13	4	1	10	16	4	2	52	52
Малые города	10	21	12	9	7	1	10	12	12	3	49	55
Села	14	21	11	6	7	1	10	10	10	4	49	59

Заметно выросла готовность голосовать за коммунистов среди самых молодых (с 1 до 8%), в группах старше 40 лет, среди имеющих высшее и среднее образование, населения больших и малых городов. Не изменился размер поддержки коммунистов у жителей Москвы и Санкт-Петербурга, уменьшился - среди низкообразованных и сельских жителей.

Поддержка демократов уменьшилась во всех группах, особенно среди малообразованных, жителей больших нестоличных городов и сел.

Симпатии к конгломерату центристских сил заметно увеличились среди самых молодых, жителей столиц и крупных городов.

Произошли существенные сдвиги и в структуре электоратов различных направлений (табл. 12).

Таблица 12

Структура электоратов по направлениям в 1995 и 1999 гг.
(в % от числа опрошенных по столбцу)

	Коммунисты		Демократы		Патриоты		Центристы		Жириновский		Затруднились ответить	
	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.
Возраст												
До 24 лет	7	1	14	14	30	10	16	13	24	9	20	22
25-39 лет	13	19	35	32	25	39	35	35	36	38	33	34
40-54 года	24	21	27	26	15	36	28	24	20	26	23	20
55 лет и старше	57	58	24	28	31	15	22	28	21	26	25	25
Образование												
Высшее образование	11	10	24	24	48	15	16	16	8	7	13	12
Среднее	34	35	54	51	47	48	54	51	52	35	48	51
Низке среднего	55	55	22	24	5	38	30	34	40	58	39	37
Макрорегионы												
Москва и С.-Петербург	4	6	17	13	24	9	17	11	4	5	8	9
Большие города	22	21	34	37	33	16	30	24	22	12	25	26
Малые города	43	38	35	32	21	45	35	40	38	54	39	40
Села	31	35	15	18	21	30	18	26	37	30	28	25

В электорате коммунистов возросла доля лиц 25-40 лет. Среди готовых голосовать за демократов уменьшился процент москвичей и петербуржцев, но возросла доля жителей крупных городов. В электорате центристов меньше доля столичных жителей, больше удельный вес малых городов и людей старших возрастов. Электорат жириновцев стал старше, в нем больший процент жителей малых городов и не имеющих среднего образования.

Неизбежность "середины"? Рассматривая принципиальные итоги президентских выборов 1996 г., приходилось отмечать, что населению предлагался строго дихотомический выбор между лицами (и силами, которые они выражали) как двумя крайностями, фактически не оставлявшими места "третьей силе". Это в российских исторических условиях вело к тому, что в центре избирательной конкуренции оказывалась проблема возврата/невозврата к прошлому; проблема выбора пути к будущему практически оставалась за пределами обсуждения. Сейчас повторение такой структуры выборов представляется маловероятным. Для думских выборов 1999 г. это важно, поскольку сами выборы будут проходить как бы в тени надвигающейся смены президента — как личности, как роли и как структуры властного механизма.

Конечно, рассматривавшиеся выше материалы и соображения, относящиеся к предвыборным ситуациям 1935 и 1999 гг., не дают оснований для построения даже ориентировочных предположений относительно конкретных результатов предстоящих выборов. Можно лишь представить с их помощью примерные соотношения политических направлений и оценить возможные ресурсы их поддержки. Налицо признаки неизбежного ослабления, "осыпания" краев политического спектра — как "левого", коммунистического (независимо от таких деталей его организованности, как отношения между КПРФ и группами Макашова-Илюхина и др.), так и "правого", радикально-реформаторского (опять-таки вне прямой зависимости от удачи или неудачи прохождения в Думу блока "неяблочных" демократов и умеренных реформаторов). Борьба за политический центр и центристски ориентированных избирателей, видимо, может стать осью электоральной конкуренции, а ее результат определит эффективность дальнейшего движения страны.

Наталья ЗОРКАЯ

Интерес к политике как форма политического участия

В современной отечественной ситуации участие в выборах — при общей неразвитости партийной системы, отсутствии механизмов ее формирования, "зачаточной" форме развития демократических и гражданских институтов — единственная реальная и активная форма политического участия населения в происходящих в стране событиях*. Вместе с тем преимущественно мобилизации-

0 других формах политического участия см.: Зоркая Н. Политическое участие и доверие населения к политическим институтам и политическим лидерам// Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. №1. На материале западных стран проблема политического участия рассматривалась в классической работе Дж. Олмонда и С. Вербы (Almond G., Verba S. The Civic culture revisited. Boston, 1980). См. также: Barnes S.H. et al. Political action. Mass participation in five Western democracies. Beverly Hills, 1979.

онный характер электорального поведения россиян обобщается тем, что в периоды между выборами наступает все более сильный спад политического интереса, размывание политических позиций, так или иначе проявленных на выборах, и все это — на фоне нарастающего негативизма в отношении деятельности как избранных представительных институтов власти, так и других ее ветвей.

При этом по сей день сохраняется достаточно высокий уровень готовности к участию в выборах, но не столько местных органов власти, сколько основных федеральных — Государственной Думы и президента. Об этом свидетельствуют как данные опросов о намерениях участвовать в выборах, так и показатели реального голосования. По данным майского мониторинга, только одна пятая опрошенных заявляла о своем твердом намерении не участвовать в будущих президентских выборах, тогда как половина опрошенных, напротив, была уверена, что будет голосовать (при этом четверть из них еще не знала, за кого). Сходная картина складывается и в отношении выборов в Государственную Думу, хотя здесь готовность участия в них несколько ниже — 24% опрошенных по данным этого же опроса не намерены участвовать в выборах, а 45% уже в мае выразили уверенную готовность. Но в данном случае еще выше доля намеревающихся голосовать, но не знающих за кого: она составляет 36% от этой группы.

Среди причин, объясняющих нежелание участвовать в парламентских выборах, лидирует общее недоверие: 39% среди не намеренных голосовать на парламентских выборах выбрали высказывание "не верю никому из действующих политиков", примерно равные по величине группы выбрали объяснения "не вижу ни одной партии, отражающей мои интересы" (20%), "парламент ничего не решает, выборы в него бесполезны" (20) и "выборы будут нечестными, результаты все равно подтасуют" (21%). Но при этом более одной пятой не намеренных голосовать (27%) затрудняются ответить на вопрос о причине своего решения, что может указывать, с одной стороны, на индифферентность по отношению к событиям политического ряда, невключенность в них, а с другой — на неумение или нежелание обсуждать эту проблему на существующем языке политиков и политических комментаторов. Эти данные подтверждают выводы, к которым мы пришли исходя из предыдущего опыта изучения электорального поведения как в моменты самих выборов, так и в периоды между ними. Электоральное поведение носит весьма противоречивый, слабо дифференцированный и во многом навязанный, вынужденный характер. Последнее в особенности связано с тем, что при значительном одобрении самого института демократических выборов (около двух пятых опрошенных в марте 1998 г. соглашались с суждением, что "партийная система дает гражданам возможность участия в политической жизни") у населения растет разочарование в реальном воплощении принципа многопартийной системы, в ее эффективности.

Это проявляется в сложившихся и постепенно укрепившихся в постсоветский период, по сути, довольно аполитичных или, скорее, политически не дифференцированных, аморфных или очень грубо структурированных формах электорального поведения. В основе такого выражения своей политической воли (имеются в виду только структурообразующие факторы) лежит, как правило, либо мотивация "выбора из двух зол" (так это было для значительной части электората на президентских выборах 1996 г.), либо специфическая форма "про-